

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Сейчас уже трудно представить, что взрыв нашей исторической публицистики начался всего 2 года назад, после столь своевременно появившегося письма Нины Андреевой, — настолько быстро произошла переоценка ценностей и рухнули прежние идеологические штампы. Следует, однако, сдержать эйфорию — идеологическое воздействие на исторические исследования вряд ли уменьшилось, просто политическая поляризация сделала его более разнообразным. Старые предрассудки заменились многочисленными новыми, затрудняющими серьезную научную работу. Разумеется, невозможно, да и не нужно эмансипировать исторический интерес от внешних, в том числе политических, влияний. Но можно стараться не смешивать два различных жанра — историческую публицистику и историческое исследование. Эту задачу ставили перед собой организаторы конференции «Социальная история советской науки», состоявшейся 21—24 мая 1990 г. в Москве, Институте истории естествознания и техники АН СССР.

Термин «социальная история» не случаен. С одной стороны, это уже устоявшееся в международном сообществе название для самого популярного сейчас направления историко-научных исследований, изучающего науку как социальный и социологический феномен, в ее взаимосвязях с обществом, государством, религией и т. п., направления, которое в нашей стране еще только начинает складываться. С другой стороны, уже в нашем внутреннем контексте, этот термин означает определенное несогласие с доминирующим в перестроечных публикациях подходом, который условно может быть охарактеризован термином «репрессированная наука». Вместо рассматривания отношения науки с властью исключительно в страдательном залоге, в терминах насилия, с упором на самые внешне заметные его формы — репрессии и идеологическое вмешательство — мы хотели бы составить более взвешенное и целостное представление о том весьма специфическом способе существования науки в нашем обществе, который определил ее успехи и провалы, придавая при этом большое значение социологическим, институциональным и культурным факторам. Научное сообщество рассматривается в этих процессах как играющее весьма активную и неоднозначно оцениваемую роль, а госу-

дарство — как заинтересованное в развитии науки, но проводящее во многих отношениях неадекватную научную политику.

Первая аналогичная конференция, которая состоялась 23—26 мая 1989 г. в Ленинграде, была организована Д. А. Александровым и Н. Л. Кременцовым. С докладами на ней выступили около 20 человек, в основном из группы молодых сотрудников ИИЕТ Ленинграда и Москвы. Нынешняя конференция организована московской частью группы в составе О. Ю. Елиной, А. Б. Кожевникова, К. О. Россиянова, И. Е. Сироткиной и А. В. Сокольской. На ней собрался более широкий круг докладчиков — более 40, в числе которых также представители других групп, занимающихся сходной тематикой: Комиссии АН СССР по истории генетики (А. Н. Шамин), семинара «Наука и власть» Института философии (Б. Г. Юдин, А. П. Огурцов), авторского коллектива сборника «Репрессированная наука» (М. Г. Ярошевский, Е. С. Левина), участников проекта «Социальная история физики в СССР» (В. П. Визгин, Г. Е. Горелик). Кроме ленинградцев и москвичей в этой конференции приняли участие также группа киевлян из еще одного центра истории науки — ЦИПИН АН УССР (А. К. Янковский, Э. Г. Цыганкова).

Я не буду пересказывать отдельные доклады — с их содержанием можно ознакомиться по сборнику «Вторая конференция по социальной истории советской науки. Тезисы» (Москва: ИИЕТ АН СССР, 1990, № 35). Попробую вместо этого подвести итоги того, что было достигнуто на двух конференциях.

В смысле общих проблем взаимодействия власти и науки имеется согласие относительно того, что властные отношения и способы организации общественной жизни не являются только внешними по отношению к науке, а проникают в нее, интериоризируются и превращаются в практику научного сообщества, определяя его поведение изнутри. Это относится, в частности, и к ценностной ориентации общества, которое в условиях дефицита признания нашей культурой и обществом сформировавшихся в Западной Европе собственно научных ценностей и идеологии склонно заимствовать ценности другого рода — служения, идеологического подчинения, национальной репутации и т. п.

Можно, пожалуй, сказать, что достигнуто

некоторое целостное представление о процессах, происходивших в советской науке до начала 50-х годов. Конечно, детально исследованы пока лишь отдельные эпизоды этой истории. В 1920-е годы основные усилия политической власти были направлены на реформу высшего образования, подчинения его административному и идеологическому контролю, проведению классовой социальной политики. Пик кампании пришелся на 1920—1922 гг., одним из ее эпизодов была знаменитая высылка представителей интеллигенции. Реформа проводилась Наркомпросом, большая роль в политической борьбе отводилась рабфакам. При этом руководство российского Наркомпроса (А. В. Луначарский и М. Н. Покровский) занимали весьма умеренную для большевиков позицию; гораздо более радикальные и болезненные действия были предприняты на Украине. В отличие от высшего образования научные исследования сохраняли тогда значительную долю автономии, и произошло вытеснение науки из университетов в специальные исследовательские институты, возникавшие в огромном числе.

Решающие структурные изменения произошли в науке в период культурной революции 1928—1932 гг. Именно тогда управление наукой стало тоталитарным, с проведением принципов партийного руководства и классовой кадровой политики. Организация науки строилась по образцу промышленности: планирование, подчинение практическим задачам, создание крупных специализированных институтов. Вместо старых «буржуазных» специалистов к руководству приходят новые «советские» кадры, массированно готовящиеся рабфаками, аспирантурой, системой выдвиженчества. Весьма подробно процесс советизации изучен на примере Академии наук, утратившей свою относительную автономию в 1929—1930 гг.

Значительно менее исследованы социальные процессы в науке после середины 1930-х годов, кроме одного — последствий великого террора, влияние которого на ситуацию в науке обычно преувеличивается. Не меньшее значение имели структурные изменения: свертывание культурной революции, отказ от классового принципа, создание централизованной системы управления фундаментальной наукой через посредство Академии наук, именно в эти годы превращающейся из научного учреждения в ведомство, обладающее монопольным влиянием, что стало предпосылкой монополизма в научных исследованиях. Практически не изучена милитаризация науки и становление оригинальной системы организации разработок в «шарашках» — явления, определившего наши крупнейшие научно-технические достижения 40-х годов.

Идеологизация науки приобрела наибольшую силу в период кампаний 1948—1952 гг. Хотя «дело Лысенко» исследовалось уже многократно, но до сих пор не иссяк поток новых фактов, особенно в связи с привлечением новых материалов из недоступных ранее партийных архивов. В результате картина событий усложняется и описывает не

только борьбу между учеными за поддержку сверху, но и соперничающие тенденции внутри партийного аппарата, до тех пор пока верховный вождь не определил своего отношения. В последние годы началось изучение попыток повторения сессии ВАСХНИЛ в других науках — физиологии, медицине, физике, химии, истории науки и т. д.; во всех этих событиях активную роль играло само научное сообщество, с его деформированными ценностями и организационной структурой. Идеологизация сводилась не только к заимствованию из политики борьбы с идеализмом, преклонением перед Западом, безродным космополитизмом, но и к таким формам научной жизни, как «вождизм», начетничество, голосование на представительном собрании в качестве метода определения научной истины.

В отличие от сталинской эпохи, последующее развитие советской науки практически не изучено, и это один из самых серьезных недостатков проводимых исследований. Взаимоотношения науки и общества в это время не столь скандальны и открыты; здесь недостаточно поверхностного рассмотрения, а нужен глубокий анализ. Изучение послевоенного периода должно стать ближайшей задачей историков, при этом основное внимание переключится от случаев прямых репрессий и идеологического вмешательства на исследование научной организации и научной политики. Перечислим еще несколько тем, на которые следует обратить внимание в силу их неизученности. Это история гуманитарных наук, хотя и представленная на конференции отдельной секцией, но еще не превратившаяся в исследовательскую область, объединяющую историков разных специальностей. Это, далее, проблема «военные и наука», необычайно важная для всего послевоенного периода. Это персонификация научной политики, представляющая власть не в виде монолита, а как соперничество различных деятелей, ведомств, интересов. Нужно изучать историю таких организаций, как отдел науки ЦК, Наркомпрос и Наркомтяжпром, Главные управления при СМ СССР и т. п. Надо шире использовать социологический количественный анализ. Наконец, это необходимость сравнительных исследований, показывающих социальную историю советской науки на фоне процессов в других странах.

Надеюсь, что все эти вопросы станут объектом изучения для сформировавшегося уже небольшого научного сообщества. Этот неформальный коллектив, вероятно, и есть главный результат прошедших конференций. Похоже, настало время для его институционального оформления. На «круглом столе» 24 мая были приняты решения о проведении следующей конференции весной 1991 г., желательно в Киеве, с привлечением новых исследователей, в том числе из других регионов страны, историков гуманитарных наук, социологов, а также об организации в рамках Советского национального комитета по истории и философии науки и техники секции «Социальная история науки».

А. Б. Кожевников